

А. Б. ТАРАСОВ

**Праведничество
в художественном
мире
Л. Н. Толстого**

Начиная с 1980-х годов социокультурная ситуация в России отличается крайней динамичностью и нестабильностью. В результате резкого изменения вектора общественного развития в период «перестройки» были созданы условия для постоянного изменения системы духовных координат, иерархии культурных ценностей. Уже два десятилетия можно наблюдать процессы резкого возврата к традициям дореволюционного периода отечественной истории и одновременно стремительного вхождения в эпоху «постхристианства» и «постмодерна», сопровождаемого вестернизацией, коммерциализацией сферы духовной жизни, отчуждением большинства от высокой культуры. Подобные процессы угрожают распадом как небольших социальных общностей, так и всего государства в целом.

Политическая элита по-своему реагирует на обозначенную проблему — ее представители практически официально объявляют «конкурс» на лучшую «национальную идею», способную объединить разрозненное общество. Наиболее эффективной в данной ситуации может оказаться экспертная оценка и помощь гуманитарных наук, и в частности — культурологии.

Согласно хрестоматийным определениям, культурология представляет собой интегративную, ценностно-ориентированную область научного знания. Культурологи призваны строить свои исследования на основе большого объема эмпирического материала, конкретных исторических фактов, и в то же время ориентироваться на высокий уровень теоретического обобщения. От современных специалистов требуется понимание вариативности культурологических позиций и моделей. Исследование, удовлетворяющее

всем обозначенным выше характеристикам, обеспечивает адекватное научное описание кризисной

социокультурной ситуации, позволяет через понимание онтологической сущности кризиса выйти к экспертным прогностическим оценкам и изучению возможных путей преодоления социокультурных последствий смены векторов общественного развития.

Однако выход из кризиса должен базироваться на совершенно другом, чем предлагается большинством современных ученых, культурологическом методе — исследуя «многополярный» мир, следует отказаться от «вариативности» как абсолютной ценности в онтологическом и гносеологическом смысле. На данном этапе истории важен поиск точек духовного объединения и роста, общего понимания того, что есть благо, высший смысл жизни, настоящая правда. Именно в этом сегодня заключается основная потребность различных социальных слоев и групп.

Приведем для подтверждения два примера.

Один — из научной сферы. Группа ученых Института философии РАН пришла к выводу о необходимости философской проблематизации слова-термина «хороший», которое само, в свою очередь, проблематизировано окружающей действительностью. Ученые подготовили и опубликовали коллективную монографию под названием «Хорошее общество: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества». По мнению авторов монографии, возможно «социальное конструирование реальности» «посредством философского участия в национальной дискуссии о том, как сделать наше общество хорошим, приемлемым для

жизни, что нужно для того, чтобы хорошим был человек»¹.

Другой пример — из общественной жизни. 24 февраля 2005 г. состоялся учредительный съезд движения «Добрые люди». Инициаторами нового объединения стали Международный благотворительный фонд «Меценаты столетия» и Союз писателей России. Активными участниками и союзниками движения стали депутаты Государственной Думы и Совета Федерации РФ, предприниматели, деятели культуры, военные. Совершенно разных в социальном, имущественном и профессиональном отношении людей сблизила идея активного противостояния злу и не менее активной моральной, информационной и материальной поддержки добрых, порядочных, высоконравственных людей и их дел.

В свете вышесказанного исследование праведничества как социокультурного феномена представляется весьма актуальным. Своеобразие нашей отечественной истории заключается в том, что проблема поиска и следования идеалу, воплощения высшей правды в земной жизни человека обсуждалась прежде всего на уровне художественной литературы. С. Малашенок в статье «Поэтика греха и грех поэтики» даже приходит к выводу, что русская литература — «это, главным образом, жития праведников», а добро, духовность в «русской литературе праведничества» превратилось в «ось абсолюта», любое отклонение от которой воспринимается как грех. Несмотря на то, что статья «Поэтика греха и грех поэтики» носит во многом публицистический, а не научный характер, выводы ее автора, имеют серьезное значение именно для научного освещения истории русской культуры. К сожалению, целенаправленное изучение катего-

рии праведничества до сих пор не предпринимается учеными-гуманитариями. Тема праведничества затрагивается в основном применительно к творчеству Н. С. Лескова.

Между тем, опыт последних нескольких лет в области литературоведческих исследований творчества Л. Н. Толстого свидетельствует о наличии у писателя разветвленной, но четкой системы персонажей-праведников, организующей всю систему его персонажей вообще, определяющей своеобразие тематики, проблематики и других сторон его художественного мира. Поэтому, думается, не без основания С. А. Франк в речи, названной «Памяти Льва Толстого», высказал следующую суждение: «Толстой — пророк, который не знает иных мерил, иных точек зрения и оценок, кроме правды и праведности»². Высшая жизненная правда, правда-утверждение не только отражала содержательную сторону мировоззрения, но и являлась творческим принципом, методом писателя. Для полноценного осмысления творчества Толстого актуальны слова известного литературоведа (в прошлом — семинариста) А. П. Скафтымова из статьи «Идеи и формы в творчестве Л. Толстого: «Его (Толстого — А. Т.) творчество развивается под импульсом непрерывного вопроса: есть ли, действительно... эта первичная и самозаконная правда, до конца самоочевидная и неотразимая. Ему нужны корни человеческих поступков»³. Это высказывание согласно и с мнением современников писателя. А. И. Эртель, к примеру, писал, что Толстой «лишний раз и с необыкновенною силою вдвинул в общество сознание о Правде...»⁴.

Сам Толстой, подводя некоторые итоги своей литературной деятельности, записывал в дневнике: «Главная цель искусства... та, чтобы проявить, высказать правду о душе че-

¹ «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества // Отв. ред. В. Г. Федотова. М., 2003. С. 2.

² Франк С. Речь «Памяти Льва Толстого» // Русская мысль. 1910. Кн. 12. Отд. 2. С. 141.

³ Скафтымов А. П. Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов. 1958. С. 264.

⁴ Письма А. И. Эртеля. М., 1909. С. 215.

ловека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом»¹. Основной вопрос заключается в том, в чем, собственно говоря, полагал высшую жизненную правду Толстой, какие существенные характеристики праведничества как социокультурного феномена мы можем получить из его художественных произведений.

Поиски высшей правды, способной четко, однозначно и безошибочно направить процесс совершенствования человека по истинному пути, поиски живых носителей этой правды Толстой начал осуществлять уже в своем первом известном художественном произведении — в повести «Детство». Нетрудно заметить, что персонажи повести, вызывающие явные симпатии автора-повествователя, симпатии, выраженные через портретные детали, речевые характеристики, житейско-поведенческие ситуации, прямые авторские высказывания, неоднородны и неравнозначны.

Первое различие положительных героев повести выявляется через композицию произведения. Повесть начинается с рассказа о Карле Ивановиче, но постепенно его сюжетная линия сходит на нет: последнее упоминание о нем встречаем в 16 главе (а всего в «Детстве» 28 глав). Сюжетные линии татап и Натальи Савишны, наоборот, идут как бы по восходящей, ибо внимание автора к ним на протяжении повести постоянно растет, достигая кульминации в завершающей 28 главе (конец произведения для Толстого всегда являлся наиболее ударным моментом). Образы Натальи Савишны и татап представлены в возвышенно-эпическом ореоле, в момент их кончины. А Карл Иванович в последний раз появляется перед читателем в незначительном бытовом эпизоде, связанном с вручением подарков бабушке Николеньки Иртеньева.

Важно указать и на то, что Карл Иванович изображается «субъективно», то есть с точки зрения Николеньки Иртеньева, либо с точ-

ки зрения автора-повествователя, однако все равно как бы преломленной через детское восприятие главного героя «Детства». Иного принципа изображения Толстой придерживается при создании образа Натальи Савишны, татап и юродивого Гриши. «Субъективное» начало значительно ослабевает, предоставляя место «объективному». Татап, Гриша, а особенно Наталья Савишна подаются не только через чувства и переживания Николеньки, но через отношение к ним других действующих лиц повести, через их собственные поступки и слова, либо никак Николенькой не комментируемые, либо выраженные «взрослым», «объективным» языком автора-повествователя, выступающего не в роли бывшего участника событий, а в роли их беспристрастного созерцателя.

Наиболее показателен в этом отношении, пожалуй, эпизод с татап и татап, которые спорят за обедом о юродивом Грише. Вся сцена спора представлена в виде отдельного, самостоятельного диалога между татап и татап, не связанного с настроениями и восприятием его Николенькой. В результате читатель вынужден остаться один на один со «стенографическим отчетом» спора и сам определить, за кем же из спорящих правда. А поэтому особое значение приобретают, казалось бы, малозаметные художественные детали, акценты, обозначенные писателем, а также собственно содержательная сторона диалога. Татап говорит по-русски, а татап переходит на французский, татап спорит спокойно, аргументированно и о конкретном, а татап раздраженно, увводя разговор в область отвлеченных слов. Для татап единственным аргументом его правды стал пирожок, который у него попросила татап и который он сначала держал на таком расстоянии, чтобы она его не достала, но потом все-таки отдал. Очевидно, что симпатии читателей и победа в споре оказываются на стороне татап и юродивого Гриши, которо-

¹ Толстой Л.Н. Пол. собр. соч. в 90 т. М., 1928–1958. Т. 53. С. 94. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием номера тома и страницы.

го она защищала. И так, в данном диалоге фиксируется «объективное» преломление не только образа татап, папа, но и юродивого Гриши.

Наконец, следует отметить, что Карл Иванович, с одной стороны, а Наталья Савишна, татап, юродивый Гриша, с другой, отличаются и по общему тону повествования, тону отношения автора к ним, по содержанию самой их жизни и степени ее влияния на окружающих. Карл Иванович, несмотря на авторские симпатии, на подчеркивание в нем доброты и преданности, представлен Толстым вполне однозначно комически. Об этом красноречиво свидетельствуют его манеры, торжественно-напыщенные речи и, конечно же, забавный счет, представленный им папа и татап в конце своего служения. О Наталье Савишне, татап и Грише говорится всегда серьезно.

Образ Карла Ивановича не является источником внутреннего движения в системе персонажей, никого особо к себе не притягивает и не отталкивает, не открывает глубинного, необыденного измерения в жизни, в человеке, а поэтому его жалеют, по-своему ценят, но по-настоящему не любят и быстро забывают.

По-иному вырисовывается в повести жизнь Натальи Савишны, татап и Гриши. Можно даже сказать, что не жизнь, а житие. Разумеется, вряд ли Толстой в начале 1850-х годов имел какие-то конкретные литературные источники житийного плана, создавая образы своих положительных героев. Как известно, здесь Толстой опирался прежде всего на личные воспоминания о своих детских годах. Однако жизнеописания, например, Гриши и Натальи Савишны весьма близки житийной традиции и по духу, и по стилю, ибо в них Толстой, используя простую и лаконичную форму, через неосложненное психологическим анализом изложение различных поступков и событий высветил действие глубинных христианских добродетелей: веры, смирения, терпения, кротости, воздержания, незлобия, милосердия, молитвенности, жертвенной любви к Богу и людям.

Молитва юродивого Гриши о благодетелях и врагах, о прощении собственных тяжких грехов, живое, неподдельное общение с Богом, подробно описанные в повести, открывают главному герою «Детства» совсем иной мир, мир духовный, а поэтому существенным образом влияет на его душу, рождая наряду с «чувством детского удивления, жалости и благоговения» и «чувство умиления». И много лет спустя, вспоминая подслушанную молитву юродивого, автор-повествователь осознает, что «впечатление, которое он (Гриша — А. Т.) произвел на меня, и чувство, которое возбудил, никогда не умрут в моей памяти» (1, 35). Ничего подобного этим словам не произносится по отношению к просто доброму и милому учителю Карлу Ивановичу.

Аналогичным образом обстоит дело и с образом Натальи Савишны, функционирование которого в системе персонажей активно, провоцирует внутреннее движение к высшей правде у других героев. «Все в доме любили и уважали Наталью Савишну» (1, 93), — утверждает автор-повествователь. Жизнь-житие доброй экономки представлена Толстым как непрерывное самоотверженное служение господам, как постоянный, а поэтому незаметный подвиг. Причем писатель дает понять, что ее беспредельная преданность своим хозяевам вытекает не из тупой бессознательно-безличной покорности, а из сознательного чувства христианского смирения, терпения и любви, проявления которых открылись в последние дни ее жизни и зафиксированы автором-повествователем следующим образом: «Наталья Савишна два месяца страдала от своей болезни и переносила страдания с истинно христианским терпением: не ворчала, не жаловалась, а только, по своей привычке, поминала Бога. За час перед смертью она с тихой радостью исповедалась, причастилась и соборовалась маслом.

У всех домашних она просила прощения за обиды, которые могла причинить им, и просила духовника своего, отца Василья, передать всем нам, что не знает, как благодарить нас за наши милости...» (1, 95). описа-

ние предсмертных дней и часов Натальи Савишны вполне соотносимо с житийными произведениями: «Надев приготовленный капот и чепчик и облокотившись на подушки, она до самого конца не переставала разговаривать со священником... потом перекрестилась, легла и в последний раз вздохнула, с радостной улыбкой, произнося имя Божие» (1, 95).

Именно смертью во многом как бы проверяется и определяется истинная внутренняя сущность героев толстовских произведений и дается оценка их жизни. Наталья Савишна не только не боится смерти, но совершенно побеждает ее власть: «Она оставляла жизнь без сожаления, не боялась смерти и приняла ее как благо. Часто это говорят, но как редко действительно бывает! Наталья Савишна могла не бояться смерти, потому что она умирала с непоколебимой верою и исполнив закон Евангелия. Вся жизнь ее была чистая, бескорыстная любовь и самоотвержение» (1, 95). Таким образом, толстовская интерпретация темы смерти в повести «Детство» позволяет сделать вывод, что писатель художественным путем через образ Натальи Савишны открыл высшую правду жизни, смысл которой не могла поколебать даже смерть, правду, которая сама как бы отменяет смерть. И эта правда — христианская непоколебимая вера и исполнение «закона Евангелия». В тексте «Детства» нет ни одной детали, речевого оборота или художественного образа, которые бы каким-либо образом оспаривали подлинность и очевидность победы высшей правды жизни Натальи Савишны над смертью. Поэтому можно с уверенностью говорить, что Наталья Савишна — не просто положительный персонаж повести «Детство», а исключительный, особый тип положительного героя, на стороне которого не только авторские и читательские симпатии, но и художественно закрепленное утверждение высшей жизненной правды.

И образ татап, более «субъективный» и менее «житийный», чем юродивого Гриши и Натальи Савишны, относится к той же обозначенной выше категории. Матап изо-

бражена не только лишь мягкой, доброй, ласковой, улыбающейся или грустной, как это видится Николеньке Иртеневу, но и кроткой, и милосердной (вспомним ее «объективный» спор-диалог с папа о Грише), и глубоко верующей, преданной до конца воле Божией (см. главу «Письмо»). Своим особым внутренним устройением, любовью ко всем она разрезает бытовую горизонталь художественного пространства повести и увлекает других героев по духовной вертикали вверх, к небесному. Так, Николенька повторяет за матерью детские молитвы, чувствовал, что «любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство» (1, 44). Ангелом называла татап не только добрая Наталья Савишна, но и злая, вредная и придирчивая Мими (см. главу «Письмо»), и даже холодный рационализм и скептицизм папа таял под действием смирения и любви татап (см. главу «Гриша» и др.).

Особую важность, как и в случае с Натальей Савишной, имеет описание предсмертного состояния и кончины татап. Толстой показывает ее спокойствие и безбоязненность при мысли о смерти, ее заботу до последних минут о муже и детях. Как и Наталья Савишна, татап страдает молча, без упреков и возмущений, только благодаря другим за счастье, дарованное ей в земной жизни. Как и в житиях многих святых, ей перед смертью во сне было явление Божией Матери с предсказанием скорой кончины (см. главу «Письмо»). Наконец, в самые последние минуты жизни татап не переставала молиться о родных: «Мать Божия, не оставь их!..» (1, 84). Возвышенно-религиозная тональность рассказа о смерти татап, не случайно передаваемого главному герою «Детства» именно Натальей Савишной, ничем не снижается и не «дискредитируется» в повести, то есть за такой кончиной признается высшая правда.

Думается, невозможно согласиться с мнением В. Е. Хализева и С. А. Мартыяновой, согласно которому Карл Иванович и Наталья Савишна объединяются в один тип положительных героев — «всецело и нерелектор-

но приобщенных укорененной в бытовом укладе культурной традиции», по Мартьяновой, или «житийно-идиллический» тип, по Хализеву¹. Различия между этими литературными героями, как было показано выше, существенны и принципиальны. К тому же Наталья Савишна (а также Гриша и тамап) укоренены прежде всего не в бытовом укладе культурной традиции, а в православной вере, а Карл Иванович никак не может быть отнесен к житийно-идиллической группе положительных героев. «Прежде чем душа праведника в рай идет — она еще сорок мытарств проходит, мой батюшка, сорок дней, и может еще в своем доме быть...» — так поясняет Наталья Савишна Николеньке Иртеневу загробную жизнь тамап. Думается, именно здесь и дано точное название типу исключительных положительных героев (юродивый Гриша, Наталья Савишна, тамап) — праведники.

Примечательно, что первые опыты изображения праведников у Толстого однозначно связаны с православной традицией. Разумеется, это вовсе не является убедительным доказательством ортодоксальности в ту пору самого Толстого. В справедливости подобного предположения убеждает сам текст повести «Детство», в финальной части которого есть весьма показательное высказывание-восклицание автора-повествователя по поводу Натальи Савишны: «Что ж! Ежели ее верования могли бы быть возвышеннее, ее жизнь направлена к более высокой цели, разве эта чистая душа от этого меньше достойна любви и удивления?» (1, 95). Очевидно, что здесь, несмотря на неоспоримый авторитет и силу веры Натальи Савишны, заложен уже намек на пробуждающиеся сомнения в абсолютной ценности самих ее «верований».

Сомнения Толстого и их последствия, зафиксированные в более поздних художественных текстах писателя, необходимо специально исследовать, и это тема отдельного разговора. Однако уже в рамках данной работы можно сделать определенные выводы.

Во-первых, праведничество — феномен, являющий собой веру в идеал, в высшую правду, реальность воплощение идеала, постоянно реализуемую на практике в повседневной жизни.

Во-вторых, праведничество представляет собой социокультурный феномен. Суть этого явления, как, впрочем, и старчества, и монашества, заключается в гармоничном сочетании уединения, сосредоточенности на деле личного спасения с открытостью миру, значительному влиянию на отдельных людей и на социальные общности.

В-третьих, праведничество в онтологическом плане является непосредственным, нерелефторным переживанием себя в истине при отсутствии отождествления себя с истиной.

И, наконец, последний вывод. В сознании современного массового читателя доминирует образ Толстого-бунтаря, сектанта и даже богоотступника, активно расшатывающего церковные и государственные устои. В узких «интеллигентских» кругах все более популярной становится идея Толстого как религиозного учителя всего человечества, идея «духовного экуменизма» писателя, стремящегося к объединению всех религий. Однако при исследовании праведничества как социокультурного феномена через художественный текст Толстого, мы убеждаемся в том, что существенным в художественном мире писателя следует признавать православное понимание правды и праведничества.

¹ См.: Хализев В. Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX в. // Русская литература и христианство. М., 1997; Мартьянова С. А. Персонажи русской классики и христианская антропология // Русская литература XIX века и христианство. М., 1997.